

РОЛЬ ПОЛИТИКИ ПРЯМЫХ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В УПРАВЛЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКИМ И НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

Каменев И.Г., Блинчикова А.С.

ФИЦ «Информатика и управление» РАН, Москва, Россия
igekam@gmail.com

Аннотация. Рассматривается роль прямых иностранных инвестиций в научно-технологическом и экономическом развитии. Формулируется концептуальный подход к исследованию инвестиционных связей между странами. Анализ нормативной базы и макроэкономической статистики позволил периодизировать российскую политику управления прямыми иностранными инвестициями. Обоснована необходимость поиска новых интеграционных связей.

Ключевые слова: научно-технологическое развитие, прямые иностранные инвестиции, импортозамещение, деофшоризация, экономическое развитие.

Введение

Научно-технологическое развитие является необходимым условием экономического роста, в особенности в трудоемких экономиках типа России. В свою очередь, важнейшим условием научно-технологического развития является международная кооперация труда, позволяющая разным фирмам использовать наиболее дешевые и технологичные комплектующие и одновременно поставлять собственные высокотехнологичные изделия по всему миру, обеспечивая необходимый эффект масштаба. Такие отношения теоретически могут строиться на основе простых рыночных сделок, но требования стабильности поставок и предсказуемости цен побуждают компании разных стран формировать устойчивые связи и сложные экономические структуры.

Это приводит к тому, что научно-технологическое развитие сопровождается прямыми иностранными инвестициями: созданием дочерних и совместных предприятий, транснациональных холдингов и т.д. Поэтому статистика прямых иностранных инвестиций несет в себе информацию о международном разделении труда и научно-технологическом сотрудничестве, а государственная политика прямых иностранных инвестиций является значимым фактором научно-технологического развития. Для экономики России, которая сегодня одновременно сталкивается с новыми ограничениями и кризисами во всех факторах экономического развития (трудовые ресурсы, капитал, научно-технологический прогресс), изучение прямых иностранных инвестиций и пересмотр политики управления ими в соответствии с новыми реалиями становятся высокоактуальным направлением исследований.

1. Концептуальные подходы к роли прямых иностранных инвестиций в экономическом развитии

1.1. Концепция прямых иностранных инвестиций и их нормативное оформление в Российской Федерации

Согласно определению Банка России, прямые иностранные инвестиции (ПИИ) понимаются как «категория трансграничных инвестиций, при которых резидент одной страны контролирует или имеет значительную степень влияния на управление предприятием, являющимся резидентом другой страны. Отношения прямого инвестирования возникают при наличии 10 или более процентов голосов в управлении предприятием. Считается, что контроль имеет место в случае, когда инвестор владеет более 50% голосов в управлении предприятием» [1]. Такое расплывчатое определение отражает как объективные сложности с формализацией прямых иностранных инвестиций, так и отсутствие явно выраженного фокуса в политике управления ими в современной России. В этой статье мы рассмотрим теоретические аргументы в пользу важности управления ими, а также эмпирические данные, указывающие на необходимость изменения подходов к управлению ПИИ.

В определении Банка России можно выделить следующие существенные признаки, действительно связанные со специфической ролью ПИИ в экономическом развитии:

- разница в резидентстве объекта (фирма) и субъекта (собственник) управления;
- наличие у субъекта управления способности оказывать влияние на принятие решений.

Эти два признака недостаточны для полной формализации ПИИ, однако определение также вносит существенную неопределенность, указывая два критерия: 10% и более 50% голосов. Эта

неопределенность возникает из-за того, что организационно-правовая форма, режим собственности объекта управления и источник власти субъекта управления могут быть разными. Можно выделить несколько факторов, определяющих значимость контроля менее 50% стоимости акций инвестором:

- если фирма является публичной компанией, то значительная часть ее акций может находиться в собственности мелких или институциональных инвесторов, не принимающих участия в голосованиях по вопросам управления бизнесом;
- если фирма принадлежит нескольким крупным собственникам, то для получения большинства необходима коалиция, и решающий вклад в формирование такой коалиции может вносить относительно небольшой инвестор;
- если финансовый капитал инвестора составляет значимую часть капитала фирмы, и инвестор имеет легальные возможности инициировать вывод своего капитала (например, через отказ в рефинансировании долга), то неучет его интересов может подорвать финансовую устойчивость фирмы.

Критерий резидентства также является относительно размытым, т.к. формально трансграничное происхождение денег не всегда означает фактическую связь резидента с иностранными государствами. Можно выделить как минимум четыре разных варианта происхождения ПИИ:

- средства граждан и организаций, источником дохода для которых являются иностранные экономики;
- оффшорное финансирование, т.е. средства, источником дохода для которых является национальная экономика, но которые были выведены владельцами в иные юрисдикции перед их инвестированием;
- собственное оффшорное финансирование, т.е. средства, источником дохода для которых является сама фирма, однако они были выведены в иные юрисдикции перед их инвестированием;
- иностранное финансирование, т.е. средства, привлеченные в рамках межгосударственных (межправительственных) соглашений.

Таким образом, к ПИИ относят инвестиции различного происхождения, значимо влияющие на контроль над производственными мощностями (или формирующие новые мощности) со стороны нерезидентов. Во всех четырех случаях факт иностранного контроля существенен, однако возможные последствия варьируются. Так, если фирма предпочитает оформлять собственные инвестиции в свое развитие через оффшорные источники, это означает, что она пытается снять с себя некоторые риски, специфические для национальной валюты. Она не может таким образом снять с себя страновые риски (недоверие к правоохранительной и судебной системе и т.д.), т.к. средства все равно инвестированы в национальной юрисдикции, только валютный риск. Все четыре варианта значимы с точки зрения статистического учета, но не все они оказывают значимое влияние на экономическое развитие, которое является предметом нашего исследования.

1.2. Обзор исследований роли прямых иностранных инвестиций в экономическом развитии

ПИИ оказывают прямое и косвенное влияние на экономическое развитие. Прямое влияние включает:

- приток иностранного финансового капитала, который укрепляет национальную валюту;
- удешевление импорта, в т.ч. промышленного импорта, что позволяет фирмам обновить основные фонды;
- доступ к более дешевому (по сравнению с банковским) финансированию инвестиций.

Как видно, прямое макроэкономическое влияние ПИИ на экономическое развитие неоднозначно. В одних условиях ПИИ могут привести к форсированной индустриализации (роботизации), а в других – к вытеснению отечественного производства бизнесами, ориентированными на импорт товаров потребительского спроса. Эту неоднозначность подтверждают результаты многих исследований. Так, Бандель и Махутга с помощью анализа панельных данных выявили, что прямые иностранные инвестиции могут иметь отрицательную корреляцию с показателями экономического роста [2, 3]. Аргумент, выдвинутый Банделем и Махутгой, был поддержан Велоньярой и Гонье-Даккой, которые проанализировали данные из девяти западноафриканских стран и обнаружили эмпирические доказательства негативного влияния прямых иностранных инвестиций на экономический рост: внутренняя экономика ухудшается из-за притока иностранного капитала, что сокращает возможности для общего развития локального бизнеса и увеличивает зависимость от мирового сообщества [4].

При этом в некоторых работах отмечается позитивное влияние: Доган в исследовании взаимосвязи между поступающими ПИИ и ростом ВВП в Замбии с помощью анализа временных рядов сумел выявить положительное влияние поступающих прямых инвестиций на состояние экономики [5].

Выводы Рехмана и Ахмада также дополнили предыдущие исследования, доказав, что прямые иностранные инвестиции служат ценным инструментом для ускорения долгосрочного экономического роста в развивающихся странах [6]. Осей и Ким расширили концепцию связи между инвестициями и экономическим развитием, подчеркнув возросший положительный эффект от притока капитала для развивающихся рынков и постепенное снижение положительной корреляции для развитых стран [7].

В отличие от некоторых из ранее рассмотренных исследований, Шитту и др. в целом не выявили устойчивой связи между прямыми поступающими иностранными инвестициями и экономическим развитием [8]. Проведенный Брахими метаанализ албанской экономики также показал, что прямые иностранные инвестиции не влияют на экономику региона [9]. Другими словами, результаты свидетельствуют о том, что росту производительности, наблюдавшемуся в развивающихся странах в последние десятилетия, могли способствовать не только прямые иностранные инвестиции.

Разница в последствиях ПИИ объясняется их косвенным влиянием:

- повышение эффективности технологий управления предприятием, в чем заинтересован инвестор;
- интеграция фирмы в международные цепочки создания стоимости, частью которых является иностранный инвестор;
- доступ к передовому оборудованию, опыт работы с которым и налаженные каналы поставок которого имеет инвестор.

В литературе широко освещается влияние ПИИ на отдельные элементы экономики, в том числе, на развитие научно-технологического потенциала государства, так как основной интерес прямого иностранного инвестора кроется в установлении долгосрочной модели развития бизнеса, что провоцирует необходимость вкладывать не только финансы, но и делиться технологиями производства с предприятиями в стране-реципиенте.

Синани и Мейер на основе анализа панельных данных, касающихся Эстонии, установили, что ПИИ ведут к развитию технологической оснащенности локальных фирм, при этом глубина эффекта негативно коррелирует с уровнем развития государства, то есть наблюдаемые спилловер-эффекты сильнее в странах с переходной экономикой [10]. Кемни также приходит к подобному выводу: ПИИ и технологическое развитие имеют позитивную каузальную связь, и она значительно сильнее в развивающихся странах [11]. В разрезе китайской экономики также проводились исследования взаимосвязи ПИИ и развития технологий. Так, Танг и др. выявили, что приток ПИИ особенно положительно влияет на технологическое развитие городов с разнообразной промышленной инфраструктурой [12]. Зенг также посредством исследования с использованием динамической модели отметил, что развитию технологий в Китае во многом способствовало прямое иностранное инвестирование, в особенности, в связке с тем фактом, что Китай является одним из крупнейших реципиентов ПИИ в мировом сообществе [13]. Однако картина не так однозначна, так как, опираясь на данные 103 новых китайских предприятий, Ван и др. пришли к выводу, что негативный конкурентный эффект, создаваемый иностранными фирмами, перевешивает благоприятные последствия от эффекта распространения знаний от прямых иностранных инвестиций [14].

Влияние ПИИ на рынок труда еще более неоднозначно. Часть исследователей отмечает, что привлечение потоков прямого инвестирования повышает производительность труда, тем самым увеличивая заработные платы работников, однако важно отметить, что заработные платы в основном растут в секторах с наукоемкими производствами, при этом увеличивая неоднородность рынка труда и повышая конкуренцию среди кадров. В исследованиях также отмечается, что приток ПИИ влечет за собой снижение безработицы в принимающих странах. То есть влияние ПИИ весьма разнонаправленно, с одной стороны, уменьшается безработица, с другой стороны, часть трудоспособного малообразованного населения остается без работы из-за увеличивающейся конкуренции и растущего разрыва в заработных платах.

Как можно заметить, положительное косвенное влияние ПИИ проявляется на микроэкономическом уровне. Отмеченные факторы объективно вытекают из экономического интереса инвесторов, однако на решения инвестора заведомо будут влиять и другие факторы (отношения с другими собственниками, рыночная конъюнктура отрасли, таможенные барьеры и т.д.). Поэтому далеко не в каждом случае косвенное влияние ПИИ на экономическое развитие будет проявляться в значительном объеме.

1.3. Типология инвестиционных связей между странами

Статистика ПИИ (которая будет более подробно рассмотрена для России в следующем разделе) позволяет выделить несколько типов международных связей в сфере ПИИ. Они различаются объемом, характером и направленностью инвестиций, а также мотивацией инвесторов. Отметим, что баланс

ПИИ между странами не является статистически корректным показателем, т.к. может наблюдаться одновременный приток ПИИ из одной страны в другую и в обратную сторону. В статистике ПИИ «приток» ПИИ из страны-донора в страну-реципиента означает, что инвесторы из страны-донора приобрели соответствующие активы в стране-реципиенте; «отрицательный приток» означает, что инвесторы из страны-донора продали имеющиеся у них активы в стране-реципиенте; «отток» означает, что донором является противоположная сторона. Мы предлагаем следующую базовую классификацию отношений стран в сфере ПИИ:

1. Страны, не обменивающиеся ПИИ.

2. Страны с оффшорной связью.

В этом случае наблюдается большой двусторонний обмен ПИИ, который является прикрытием для перевода прав собственности в иностранную юрисдикцию. Это означает, что обе страны не получают каких-либо косвенных выгод от ПИИ, в то время как прямые результаты обмена инвестициями практически не заметны для экономики-источника. Для страны-реципиента (оффшора) результаты заметны, т.к. некоторая сумма налогов остается в оффшоре (значительная в масштабах собственной экономики оффшора, которая, как правило, невелика).

3. Страны с транзитной связью.

Некоторые страны выполняют в международной торговле посреднические функции: импортируют блага из одной страны и реэкспортируют в другие страны (и наоборот). Такая посредническая роль в торговле может (хотя и не обязана) сопровождаться взаимными потоками инвестиций в процессе интеграции посредников с соседями по цепочке создания стоимости.

4. Страны с клиентской связью.

Мы определяем клиентскую связь как односторонний поток прямых иностранных инвестиций в экономику страны-реципиента, сопровождающийся встречным потоком доходов от собственности, а не встречным потоком инвестиций. В этом случае предприятия страны-реципиента принадлежат резидентам страны-донора, и дивиденды от них в значительной степени возвращается в страну-донор. Такая связь может быть источником экономического развития страны-реципиента, однако его потенциал ограничен по сравнению с рассмотренными ниже вариантами.

5. Страны с индустриализационной связью.

Страны-реципиенты с индустриализационной связью привлекают прямые иностранные инвестиции для повышения капиталовооруженности своей экономики при наличии свободного трудового потенциала. Классическим примером этого является Южная Корея во второй половине XXв. Создаваемые промышленные мощности ориентируются отчасти на экспорт (что позволяет далее снизить зависимость от ПИИ), отчасти на расширяющийся внутренний рынок. Характерным признаком такой связи будет отсутствие встречного потока доходов от собственности в платежном балансе. Прибыли реинвестируются внутри страны-донора, т.к. это соответствует интересам собственников-нерезидентов: они получают повышенную доходность, продолжая инвестировать в экономику с высокими темпами экономического роста. Встречный поток инвестиций также отсутствует, т.к. страна-реципиент не имеет передовых технологий, трансфер которых в страну-донора был бы целесообразен, и, кроме того, инвесторы страны-реципиента получают более высокую доходность, инвестируя в своей стране. Этот тип связей способствует догоняющему экономическому развитию, позволяя стране-реципиенту перенять технологии страны-донора.

6. Страны с интеграционной связью.

В случае интеграционной связи невозможно разделить роли страны-донора и страны-реципиента. Компании из стран-участников интеграции взаимно инвестируют друг в друга, создавая совместные предприятия или выкупая элементы цепочки создания стоимости друг в друге так, будто разница в резидентстве не существенна. Признаком этого будут устойчивые потоки ПИИ из каждой страны в другую. Такие потоки способствуют инновационному экономическому развитию за счет углубления специализации, ускорения диффузии технологий. Такую динамику можно увидеть во многих успешных интеграционных проектах развитых стран.

Составим сравнительную таблицу, более наглядно представляющую особенности каждого типа связей и их проявления в статистике внешнеэкономических связей страны (Табл. 1):

Таблица 1. Типология инвестиционных связей между странами

Тип связи	Цели инвесторов	Признак в макростатистике: встречный поток	Влияние на экономическое развитие реципиента
оффшорная	смена юрисдикции	фиктивные (собственные с	минимальное

Тип связи	Цели инвесторов	Признак в макростатистике: встречный поток	Влияние на экономическое развитие реципиента
		измененной юрисдикцией) ПИИ	
транзитная	контроль над цепями поставок	доходы от реэкспорта	ограниченное транзитными отраслями
клиентская	получение дохода от высокомаржинальных бизнесов	доходы от собственности	ограниченное до ловушки средних доходов
индустриализационная	освоение растущего трудоизбыточного рынка	встречный поток отсутствует	догоняющее
интеграционная	доступ к высокотехнологичным промежуточным продуктам партнеров	встречные ПИИ от партнеров по интеграции	инновационное

Источник: составлено авторами

2. Эволюция политик управления прямыми иностранными инвестициями России

2.1. Нормативно-правовое оформление политики прямых иностранных инвестиций в России

Политика России в сфере управления ПИИ неоднократно трансформировалась в соответствии с изменениями в нормативных документах, описывающих стратегические приоритеты государства. ПИИ никогда не были приоритетным показателем, вокруг которого бы была выстроена государственная политика. Вместо этого управление ПИИ всегда было подчиненным аспектом государственной политики экономического развития, инвестиционной политики, управления платежным балансом. Тем не менее, можно выделить несколько периодов, внутри каждого из которых политика в области ПИИ оставалась стабильной и скоординированной (границы между которыми размыты из-за того, что разработка новых стратегических документов и их реализация в законах и подзаконных актах может занимать до 2-3 лет):

1. Пассивная изоляция (до 1998 г.).

90-е годы были периодом отсутствия явно сформулированной государственной политики в области ПИИ. Ключевые экономические институты (налоговая система, макроэкономическое разделение властей и т.д.) в этот период еще только проходили процесс становления и юридического оформления. Несмотря на это, период 90-х годов можно уверенно характеризовать как изоляцию России от международных связей в сфере ПИИ. К ключевому экономическому процессу десятилетия – приватизации советских активов – иностранные инвесторы допущены не были, и крупный российский капитал не был заинтересован в сотрудничестве с ними. С другой стороны, нестабильность российской валюты и государственного долга делали сотрудничество малопривлекательным для самих иностранных инвесторов. И, наконец, крупный российский капитал не стремился к выходу на иностранные рынки, т.к. еще сохранялись возможности освоения дополнительных активов в рамках приватизации в России.

2. Интеграция с Западом (до 2011 г.).

После кризиса 2000 г. как экономические, так и политические препятствия привлечению ПИИ сходят на нет, и их привлечение становится одной из основ экономического развития России. В этот период создается большое количество совместных предприятий и дочерних компаний, как в сырьевой сфере (например, ТНК-ВР), так и в промышленности (например, Renault-Автоваз), банковской сфере (сеть дочерних организаций банка Райффайзен) и т.д. Это происходит при прямой поддержке государства и в рамках официально установленных стратегических приоритетов (в т.ч. активно содействующего привлечению иностранных инвесторов, как, например, в случае со Штокмановским месторождением природного газа).

Намного меньшее влияние в этот период уделялось исходящим ПИИ, в том числе взаимодействию России с оффшорными юрисдикциями.

3. Деофшоризация (до 2016 г.).

Бегство капитала в оффшорные юрисдикции становится приоритетной проблемой государственной внешнеэкономической политики около 2011 г. Политика ПИИ в этом случае играет подчиненную роль, т.к. беспокойство было связано в большей степени не с тенденциями в самих (исходящих) ПИИ, а с

сальдо текущих операций в части первичных доходов (доходы от собственности). Многие крупные российские компании к тому моменту уже были перерегистрированы так, чтобы их собственники находились в оффшорных юрисдикциях, т.е. проблема состояла не в активном выводе прав собственности зарубеж, а в уже фактически состоявшемся их закреплении за нерезидентами.

Юридическую основу для деофшоризации заложило послание Президента РФ Федеральному собранию от 12 декабря 2013 г. [15] – тема деофшоризации российской экономики звучала неоднократно и являлась основополагающей. К основным документам, фиксирующим государственную политику в этой сфере, относятся Федеральный закон от 24.11.2014 г. N 376-ФЗ [16] и Федеральный закон от 15 февраля 2016 г. N 23-ФЗ [17]. Они заложили базу для процесса деофшоризации – было введено понятие контролируемой иностранной организации (КИО) – «иностранный компания, контролируемая российским резидентом-налогоплательщиком. Контролирующим является юридическое или физическое лицо, доля которого в организации составляет более 25 % (до 1 января 2016 г. – 50 %); или лицо, доля участия которого составляет более 10 %, если доля участия всех лиц, признаваемых налоговыми резидентами РФ в этой организации составляет более 50 %», а также установлено налогообложение для КИО и запрет на получение государственных субсидий [18].

Основным приоритетом в этот период было привлечение новых ПИИ, а также возвращение уже выведенных зарубеж в известные оффшорные юрисдикции. Эта политика не была направлена на ускорение экономического развития, вместо этого фокусируясь на прекращении оттока капитала и укреплении национальной валюты.

Стабилизация курса валюты играет существенную роль в облегчении доступа национальных фирм к мировым рынкам финансового капитала и промышленному импорту, что потенциально способствует активизации экономического развития, если частный бизнес по-прежнему сохраняет заинтересованность в привлечении технологий развитых стран. Одновременно крепкая иностранная валюта делает отечественных экспортеров менее конкурентоспособными на иностранных рынках. Поэтому влияние этой государственной политики оказалось неоднозначным.

4. Импортзамещение (до 2022 г.).

Политика импортзамещения, приоритет которой был объявлен в 2014 г., полноценно развернулась к 2016 г. В 2015 году была создана Правительственная комиссия по импортзамещению, созданная Постановлением Правительства Российской Федерации от 4 августа 2015 года № 785 [19]. К основным документам, фиксирующим ее, относятся Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 сентября 2014 года № 1936-р [20], Постановление Правительства РФ от 25 мая 2017 № 634 [21], Постановление Правительства Российской Федерации от 6 сентября 2022 № 1570 [22], Указ Президента РФ от 2 марта 2022 № 83 [23], также в рамках Федерального закона N 223-ФЗ от 18.07.2011 [24] и Федерального закона N 44-ФЗ от 05.04.2013 [25] были установлены ограничения для участия в тендерах для иностранных компаний.

В отличие от периода деофшоризации, когда приоритетными считались финансовые цели, в рамках импортзамещения приоритизировалось именно создание основных фондов, для чего необходимы инвестиции. Однако источником средств для этих инвестиций выделялись, в первую очередь, прибыли компаний, заимствования в отечественных банках (ради чего потребовалось снизить инфляцию и ключевую ставку Банка России) и государственное финансирование. Роль прямых иностранных инвестиций была крайне ограниченной, в т.ч. вследствие их политической рискованности в условиях санкций.

5. Переориентация на БРИКС и ШОС (начиная с 2022 г.).

С февраля 2022 г. российская экономика перешла в режим ограниченного движения финансового капитала. Позиции прямых иностранных инвесторов в России оказались заморожены, так же, как и многие российские прямые инвестиции в развитых странах. Банк России перестал публиковать подробную статистику ПИИ, а ее восстановление по данным других стран формирует самостоятельный предмет исследования, т.к. методики учета ПИИ по странам существенно различаются.

В ответ на эти вызовы была провозглашена “переориентация на Азию” [26, 27], т.е. наращивание сотрудничества со странами, не входящими в блок НАТО (в первую очередь, Индией, Китаем и другими государствами региона, объединенными ранее Шанхайской Организацией Сотрудничества). Эта стратегия представлялась вполне естественной исходя из потоков международной торговли, однако столкнулась с вызовами в части инвестиционного и инновационного сотрудничества. Индия и Китай как основные экономические силы региона имеют не конвертируемые свободно валюты и жесткий контроль за входящими и исходящими иностранными инвестициями: в Китае НБК ежедневно

устанавливает референс курса юаня, отклонение от которого не может превышать +/-2% [28], а также присутствует ряд ограничений для инвестирования в чувствительные сферы – финансы, автомобилестроение и так далее [29], в Индии обмен рупии на иностранную валюту возможен только внутри Индии через биржу или уполномоченные банки, а крупные сделки требуют одобрения местного регулятора [30]. Государства Средней (Центральной) Азии не имеют собственного выхода к морю и свободного доступа к передовым технологиям. Кроме того, Китай сталкивается с сокращением численности трудоспособного населения, которое в ближайшие десятилетия примет радикальные формы, одновременно с нарастанием экономического давления со стороны развитых стран. Это усиливает схожесть российской и китайской экономик, снижая потенциал взаимного сотрудничества. Одновременно, ориентация на Китай осложняет российское сотрудничество с развитыми странами региона, не входящими в НАТО и ШОС (Япония, Южная Корея и т.д.).

2.2. Описательная статистика прямых иностранных инвестиций в России

Нами проанализирована статистика Банка России по прямым иностранным инвестициям, а также платежному балансу. В Табл. 2 представлено описание структуры данных: единицей наблюдения является комбинация страна-период. Каждое наблюдение характеризуется величиной денежных потоков (входящих и исходящих).

Группировка произведена по периодам, выделенным ранее при анализе российской политики ПИИ (проверка подтвердила, что, хотя по отдельным странам имеются незначительные отклонения, именно такие границы периодов наиболее характерны). Предварительный анализ показал, что разная длительность периодов, инфляция и размер экономики не искажает наблюдаемые тенденции, поэтому было принято решение отказаться от нормировки по этим показателям, представив для простоты и наглядности данные суммарно за каждый период.

Таблица 2. Структура данных, использованных для статистического анализа: переменные и соответствующие им размерности (категории)

Страна	Период	Тип	Исходящие ПИИ	Входящие ПИИ	Экспорт	Импорт	Торговый оборот
название	2007-2010	Развитые страны	млн. \$	млн. \$	млн. \$	млн. \$	млн. \$
	2011-2015	Оффшоры					
	2016-2021	Неразвитые страны					
		Экспортеры сырья					
		Транзитные страны					

Источник: составлено авторами по данным [31, 32, 33]

Для повышения наглядности рассмотрим сначала страны-выбросы, имеющие нетипично большие прямые иностранные инвестиции (Рис. 1.). Видно, что все они являются оффшорами (Нидерланды формально относятся к развитым странам, но обмен ПИИ с ними объясняется оффшорной функцией в отношении российских компаний типа Yandex N.V.).

Рассмотрим более подробно обмен ПИИ со странами, относящимися к левому нижнему квадрату (т.е. не более 10 млрд.\$ за период). Данные показывают (Рис. 2.), что политика деоффшоризации оказалась малоэффективной, а политика импортозамещения оказала слабое влияние на обмен ПИИ с оффшорами. Сократилось количество используемых оффшоров (с 6 до 4, не считая выбросов, состав которых стабилен), однако с оставшимися продолжился интенсивный инвестиционный обмен, причем некоторые используются больше для исходящих инвестиций, а другие для входящих инвестиций, что указывает на обмен капиталами между оффшорами либо использование ранее выведенных капиталов.

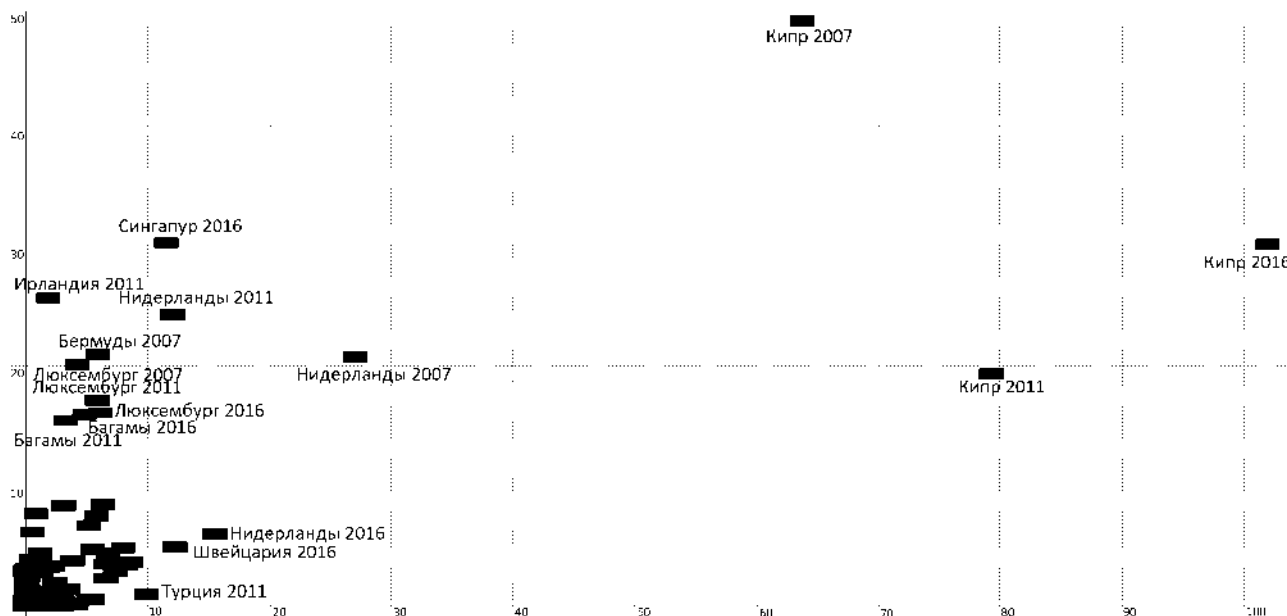

Рис. 1. Выбросы в статистике ПИИ: млрд. \$, исходящие по оси абсцисс, входящие по оси ординат (дата соответствует году начала характеризуемого периода)

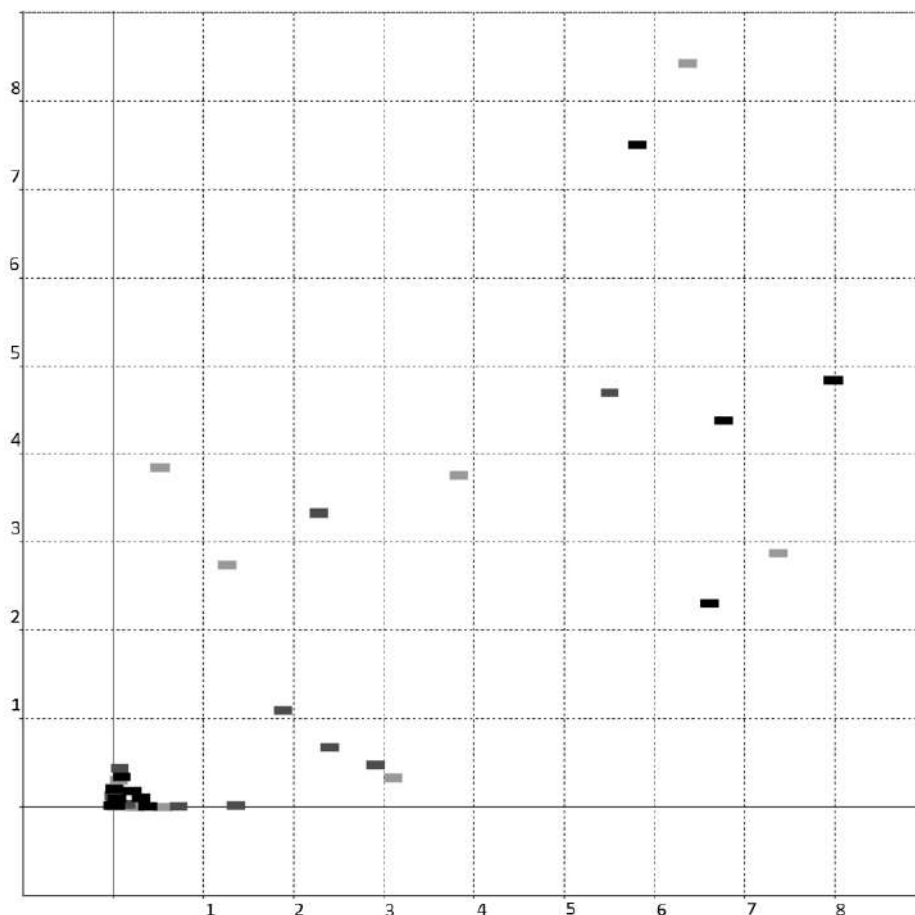

Рис. 2. Обмен ПИИ с офшорами: млрд. \$, исходящие по оси абсцисс, входящие по оси ординат (черным 2016-2021 гг., темно-серым 2011-2015 гг., светло-серым 2007-2010 гг.)

Уменьшение объемов исходящих инвестиций наблюдается в отношении приграничных стран, как развитых (прибалтийские), так и развивающихся (Рис. 3.). Это указывает на то, что, в отличие от пятого периода, их транзитные функции не были востребованы, и не было системных попыток встроить их в совместные цепочки создания стоимости. Единственным исключением является Турция, с которой в 2012г. была заключена «Среднесрочная программа торгово-экономического и научно-технического сотрудничества между правительством Российской Федерации и правительством Турецкой

Республики на 2012-2015 годы». Это единственная подобная программа, реализацию которой мы наблюдаем в статистике прямых иностранных инвестиций. Однако уже в следующем периоде показатели Турции вернулись к норме (незначительные объемы сотрудничества), что особенно важно, так и нее сформировав встречный поток ПИИ в Россию, которые бы способствовали трансферу технологий.

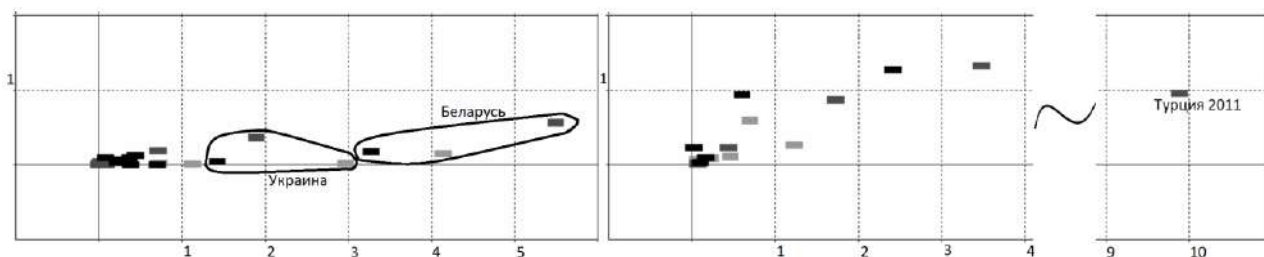

Рис. 3. Обмен ПИИ с относительно менее развитыми, включая постсоветские (слева), и приграничными транзитными (справа) странами: млрд. \$, исходящие по оси абсцисс, входящие по оси ординат (черным 2016-2021 гг., темно-серым 2011-2015 гг., светло-серым 2007-2010 гг.)

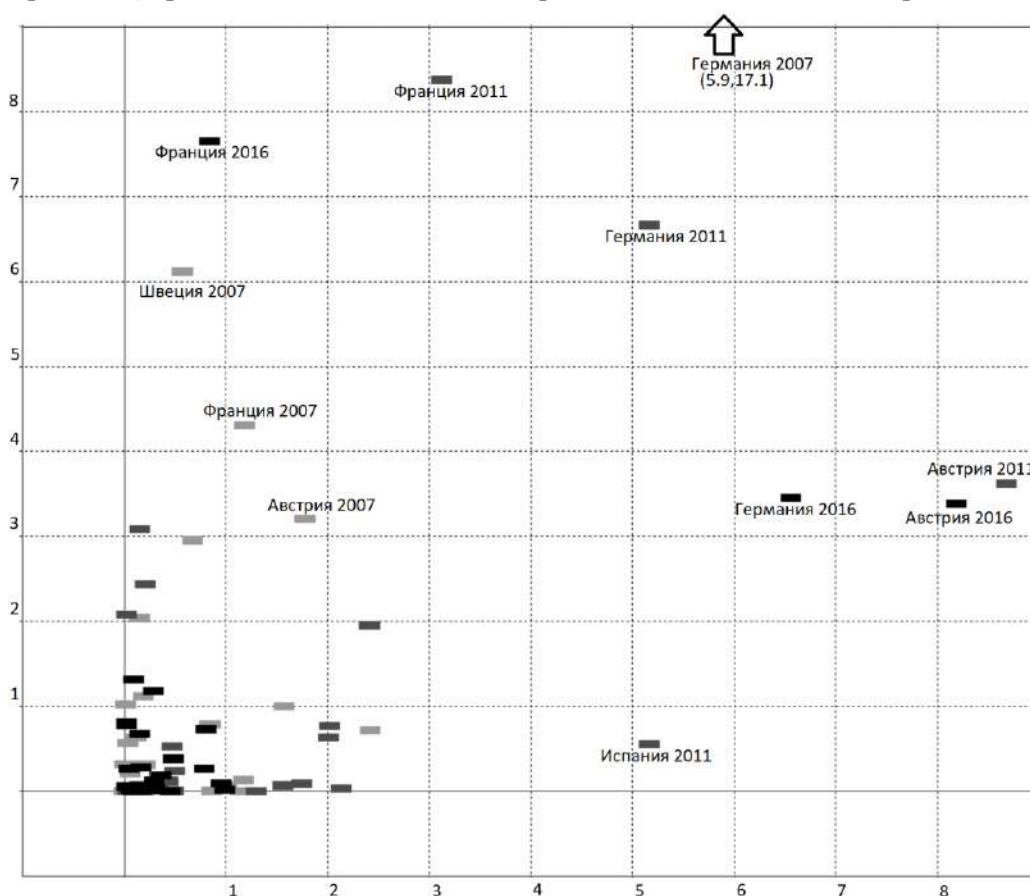

Рис. 4. Обмен ПИИ с промышленно развитыми странами: млрд. \$, исходящие по оси абсцисс, входящие по оси ординат (черным 2016-2021 гг., темно-серым 2011-2015 гг., светло-серым 2007-2010 гг.)

Что касается сырьевых экономик, инвестиционное взаимодействие с ними практически отсутствовало (вплоть до 5 периода, в котором ситуация изменилась из-за того, что у России возник интерес к их финансовым институтам). Единственным исключением является Катар, в 2017г. заключивший крупную сделку по прямому инвестированию в российскую экономику, в сотрудничестве с Роснефтью и Российским фондом прямых инвестиций (реализация которой в 2019-2021 гг. и обеспечила наблюдаемые 2.9 млрд. \$ входящих ПИИ). Однако с точки зрения трансфера технологий Катар не является приоритетным партнером, т.к. его сырьевые запасы относятся к категории легкоизвлекаемых.

Наконец, статистика инвестиционного взаимодействия с развитыми странами показывает ожидаемую для специалистов, но, вероятно, неожиданную для публики картину (Рис. 4).

Деофшоризация оказала слабое влияние на инвестиционное взаимодействие России с развитыми странами, а вот политика импортозамещения (вместе с санкционным давлением) имела результаты, противоположные ожидаемым. Инвестиционное взаимодействие с промышленно развитыми странами вне блока НАТО не увеличилось, а, напротив, полностью прекратилось. Заметно снизилось инвестиционное взаимодействие с европейскими странами. Но, удивительным образом, сохранились инвестиционные связи с тремя главными технологическими партнерами России: Германией, Францией и Австрией.

Технологическая связь российской экономики с этими странами не является чем-то неожиданным для специалистов, однако проанализированная нами статистика подчеркивает безальтернативность этой связи (особенно с Францией и Германией, с которыми у России также имелся огромный торговый оборот, в т.ч. высокотехнологичный).

2.3. Опыт управления прямыми иностранными инвестициями в России и перспективы его совершенствования

Анализ нормативно-правовой базы и статистических результатов привлечения прямых иностранных инвестиций показывает, прежде всего, системное несоответствие между ставящимися целями и достигаемыми результатами. Так, показано, что политика деофшоризации не привела к снижению роли офшоров в инвестиционной деятельности российских компаний; политика импортозамещения не способствовала обеспечению снижения технологической зависимости России от ключевых европейских партнеров; хотя это не является предметом нашего исследования, однако подчеркнем, что существуют основания опасаться, что переориентация на ШОС и БРИКС также не приведет желаемой цели: к установлению плотного инвестиционного сотрудничества с этими регионами. Это может объясняться отмеченным нами общим недостатком соответствующих политик: ПИИ не рассматриваются ни как самостоятельный объект управления, ни как инструмент управления инвестиционной активностью в целом.

Управление ПИИ может осуществляться посредством разных инструментов:

- нормативных: их правовое регулирование, в т.ч. формальные ограничения и формальные гарантии для инвесторов (в т.ч. за счет размещения совместных предприятий в иностранных юрисдикциях);
- стратегических: сбор информации, системный анализ [34] и разработка инвестиционных программ (что должно устранить базовую неготовность частных инвесторов нести трансакционные издержки на незнакомых рынках);
- административных: создание органов власти (комиссий, комитетов и т.д.), ответственных за координацию конкретных программ с иностранными инвесторами;
- технологических: внедрение современных технологий управления инвестициями, обеспечивающих одновременно прозрачность инвестиционного проекта для его участников, децентрализацию, защиту миноритарных участников и их защиту от страновых (в т.ч. санкционных) рисков (см., например, [35]).

Существует точка зрения (см., например, [36]), что в современных условиях прямые иностранные инвестиции не являются приоритетным аспектом управления инвестиционной активностью, т.к. во внутренних инвестициях существует достаточно много проблем, а интерес к инвестициям в Россию иностранных партнеров невысок из-за санкций. Мы, однако, рассматриваем ПИИ не столько как источник финансирования инвестиций, сколько в контексте технологического взаимодействия. Соответственно, и цели управления должны формулироваться не в финансовой, а в технологической плоскости: не в стоимостном выражении, а в контексте обеспечения доступа российского бизнеса к технологическим цепочкам, цепочкам создания стоимости.

Общей целью политики ПИИ на современном этапе может быть создание диверсифицированных интеграционных связей со странами, остающимися открытыми к взаимодействию с Россией. При этом необходимо четко разграничивать роль государства и частных компаний в инвестиционном обмене. Государство и контролируемые государством фонды могут брать на себя решение задачи централизованного планировщика, обеспечивать необходимые участникам гарантии, организовывать площадки для взаимодействия и продвигать реализацию этих программ. Однако непосредственно управление инвестиционными проектами должно осуществляться частными предприятиями, российскими и иностранными (приоритетно через механизмы совместных предприятий). Возврат к советской модели управления такими предприятиями означал бы невозможность дальнейшего развития, импорт конкретной технологии без заинтересованности иностранного партнера в ее поддержании и совершенствовании.

3. Заключение

События 2022 года, новый санкционный режим и политика переориентации на БРИКС и ШОС привели к разрыву этих связей в пятом периоде. Это имеет ограниченные краткосрочные последствия для российской экономики, т.к. созданные в России производственные мощности продолжают функционировать (как и производственные мощности, созданные на российские инвестиции в этих странах). Однако в долгосрочной перспективе Россия лишилась доступа к основным источникам трансфера технологий, который не может быть компенсирован взаимодействием с Китаем и Индией. Остается открытым вопрос о возможности выстраивания подобных инвестиционных связей с другими странами: оценка этого вопроса может быть предметом дальнейшего исследования, которое требует смены информационной базы и методологии. Научно-технологическое развитие не может опираться и на простой параллельный импорт технологий через транзитные страны. В лучшем случае он может обеспечить поддержание существующего технологического уровня за счет импорта необходимого оборудования, но не дальнейшее научно-технологическое развитие.

Производство современной, конкурентоспособной, высокотехнологичной продукции возможно только за счет встраивания в международные цепочки создания стоимости (в противном случае не достигается необходимый эффект масштаба). В свою очередь, участие в таких цепочках неразрывно связано с прямыми иностранными инвестициями, причем случае России (промышленно и технологически развитая трудоемкая экономика) – с инвестициями взаимными, формирующими интеграционную связь.

Условно западные страны, участвующие в санкционном давлении на Россию, не готовы создавать такого рода связи. Учитывая риски для бизнеса, можно ожидать, что такая ситуация сохранится на долгий срок даже в случае отмены санкционного режима, независимо от обстоятельств и условий их отмены. Соответственно, российская экономика лишилась своих ключевых научно-технологических партнеров, и дальнейшее научно-технологическое развитие может быть успешным лишь в случае создания новых интеграционных связей.

Во же время, участвующие в санкционном давлении стран не имеют монополии на передовые современные технологии. Можно выделить длинный перечень стран, имеющих доступ к передовым современным технологиям и не поддерживающих санкционный режим, включая очевидные латиноамериканские и такие неожиданные примеры, как Южная Корея и Израиль. Однако российский бизнес не имеет необходимого опыта взаимодействия с этими странами (что видно, в т.ч., по статистике прямых иностранных инвестиций и торговому обороту). Соответственно, интеграционные проекты с этими странами возможны только в рамках конкретных межгосударственных соглашений, обеспечивающих необходимое управленческое воздействие на отраслевом и макроуровне.

Литература

1. Методология официального статистического учета прямых инвестиций в Российскую Федерацию и прямых инвестиций из Российской Федерации за рубеж // Банк России [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/meth-kom-di/ (дата обращения: 30.12.2024).
2. *Bandelj N., Mahutga M. C.* How Socio-Economic Change Shapes Income Inequality in Post-Socialist Europe // *Social Forces*. – 2010. – Vol. 88, № 5. – P. 2133–2161.
3. *Mahutga M.C., Bandelj N.* Foreign investment and income inequality: The natural experiment of Central and Eastern Europe // *International Journal of Comparative Sociology*. – 2008. – Vol. 49, № 6. – P. 429–454.
4. *Velonjara H.M., Gondge-Dacka I.M.* Foreign direct investment, three main sectors of the economy and economic growth: Evidence from West African Countries // *Journal of Economic and Social Thought*. – 2019. – Vol. 6, № 3. – P. 156–167.
5. *Dogan E.* Foreign direct investment and economic growth in Zambia // *International journal of economics and finance*. – 2014. – Vol. 6, № 1. – P. 148–153.
6. *Rehman S., Ahmad H.K.* The impact of foreign capital inflows on economic growth // *Pakistan Economic and Social Review*. – 2016. – Vol. 54, № 2. – P. 191–203.
7. *Osei M.J., Kim J.* Foreign direct investment and economic growth: Is more financial development better? // *Economic Modelling*. – 2020. – Vol. 93. – P. 154–161.
8. *Shittu W.O. et al.* The impacts of foreign direct investment and globalisation on economic growth in West Africa: examining the role of political governance // *Journal of Economic Studies*. – 2020. – Vol. 47, № 7. – P. 1733–1755.
9. *Brahimi F.* The role of foreign direct investments in the economic development of Albania // *IFAC-PapersOnLine*. – 2022. – Vol. 55, № 39. – P. 399–403.
10. *Sinani E., Meyer K.E.* Spillovers of technology transfer from FDI: the case of Estonia // *Journal of comparative economics*. – 2004. – Vol. 32, № 3. – P. 445–466.

11. *Kemeny T.* Does foreign direct investment drive technological upgrading? // *World Development*. – 2010. – Vol. 38, № 11. – P. 1543–1554.
12. *Tang L. et al.* Technological upgrading in Chinese cities: The role of FDI and industrial structure // *Emerging Markets Finance and Trade*. – 2020. – Vol. 56, № 7. – P. 1547–1563.
13. *Zeng S., Zhou Y.* Foreign direct investment's impact on China's economic growth, technological innovation and pollution // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. – 2021. – Vol. 18, № 6. – P. 1–24.
14. *Wang H. et al.* The dark side of foreign firm presence: how does the knowledge spillover from foreign direct investment influence the new venture performance // *Journal of Innovation & Knowledge*. – 2023. – Vol. 8, № 3. – P. 1–12.
15. Статистика внешнего сектора // Банк России [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/external_sector/di/ (дата обращения: 07.02.2025).
16. Итоги внешней торговли с основными странами // Федеральная таможенная служба [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://customs.gov.ru/folder/511> (дата обращения: 07.02.2025).
17. Внешняя торговля // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/statistics/vneshnyaya_torgovlya (дата обращения: 07.02.2025).
18. Послание Президента РФ от 12.12.2013 г. б/н // Официальный сайт Президента России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38057> (дата обращения: 18.04.2024).
19. Федеральный закон РФ от 24.11.2014 № 376-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации (в части налогообложения прибыли контролируемых иностранных компаний и доходов иностранных организаций)».
20. Федеральный закон РФ от 15.02.2016 № 23-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации».
21. Федеральный закон РФ от 24.11.2014 № 376-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации (в части налогообложения прибыли контролируемых иностранных компаний и доходов иностранных организаций)».
22. Постановление Правительства РФ от 04.09.2015 № 785 «О создании правительственной комиссии по импортозамещению».
23. Распоряжение Правительства РФ от 30.09.2014 № 1936-р «План содействия импортозамещению в промышленности».
24. Постановление Правительства РФ от 25.05.2017 № 634 «О предоставлении субсидий из федерального бюджета российским организациям на компенсацию части затрат на производство и реализацию пилотных партий средств производства потребителям».
25. Постановление Правительства РФ от 06.09.2022 № 1570 «Об утверждении правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским кредитным организациям на возмещение недополученных ими доходов по кредитам, выданным российским организациям и (или) индивидуальным предпринимателям на приобретение, строительство, модернизацию, реконструкцию объектов недвижимого имущества в целях осуществления деятельности в сфере промышленности».
26. Указ Президента РФ от 02.03.2022 № 83 «О мерах по обеспечению ускоренного развития отрасли информационных технологий в РФ».
27. Федеральный закон РФ от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц».
28. Федеральный закон РФ от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».
29. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии // Официальный сайт Президента РФ URL: <http://kremlin.ru/supplement/5770> (дата обращения: 15.01.2025).
30. Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации».
- 31.中国人民银行关于银行间外汇市场交易汇价和外汇指定银行挂牌汇价管理有关事项的通知 (银发〔2014〕188号) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pbc.gov.cn> (дата обращения: 15.02.2025).
32. China Releases 2020 Negative List for Market Access // *China Briefing* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.china-briefing.com/news/china-2020-negative-list-market-access/> (дата обращения: 18.04.2025).
33. Foreign Exchange Management (Manner of Receipt and Payment) Regulations, 2016 // Reserve Bank of India [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.rbi.org.in/Scripts/BS_FemaNotifications.aspx (дата обращения: 07.02.2025).
34. *Лившиц В.Н. и др.* Системная оценка эффективности крупномасштабных мероприятий в нестационарной российской экономике // Управление развитием крупномасштабных систем MLSD. – 2019.
35. *Райцев С.* DAO – Современный механизм привлечения инвестиций в инновационные проекты в условиях внешних ограничений // Экономический вестник ИПУ РАН. – 2023. – Т. 4, № 3. – С. 3–9.
36. *Виноградова Е.П.* О некоторых проблемах в инвестиционной сфере // Управление развитием крупномасштабных систем (MLSD'2022). – 2022. – С. 236–244.